

Владимир Андреевич АТЛАНТОВ

ЗВОНОК из редакции — «Напишите об Атлантове». И первое — отказать: очень много работы, не найду времени и подведу газету. Но тотчас же возникает не только в памяти, а в ощущении столько раз испытанное чувство глубокого волнения, гордости за Атлантова, за наш театр, пережитые на спектаклях с его участием. Нет, нужно писать — погону что «его» спектакли не оставляют равнодушными, они заставляют думать и думать о них, сравнивать с предыдущими, впечатление о его выступлениях сохраняешь надолго.

...Владимир Атлантов из тех артистов, за которыми стоит не только перечень исполненных ролей и оценка их, даже самая высокая, самая разнообразная в степени одобрения. Каждая встреча с ним дает зрителю прежде всего радость познания интересной Личности, значительности и талантливости Артиста, кого бы ни играл он в этот день — Германа, Хозе, Альфреда, Владимира Игоревича, Пинкертон, Ленского, Карлоса, Каварадосси. Атлантов в каждой роли и каждый раз может быть встречен по-разному, но никогда зритель не пройдет «мимо» его выступления, не забудет его, а будет ждать новых и новых встреч с ним и новых его ролей.

Это великое дело, когда зритель ждет от артиста новых образов и даже торопит его: почему он еще не Отелло, не Манрико, не Лозн-прин?. И волнуется: а вдруг этого почему-то не случится, и артист не отдаст зрителям так мощно ощущаемое в нем художественное богатство, вдруг оно может остаться ими не увиденным. И особенно дорого, когда об этом беспокоятся не только зрители, но и товарищи в театре.

Сейчас немислимо представить себе, что не будь постановки «Тоски», тысячи зрителей были бы лишены счастливых минут душевного замирания, когда Атлантов в третьем действии спектакля приковывает к себе зал арией Каварадосси, приобретающей в его исполнении характер философского раздумья и бесконечно трепетным, восторженно горестным «О, эти ручки».

Большого не может дать артист зрителям, чем не просто вежливо поаплодировать певцу, а так же щедро, как он отдает им себя, всем существом своим, в овации, выразить благодарность ему за приобщение к волшебному процессу творчества, к истинному таланту, к театру. Ведь чего греха таить, театры не так часто дарят зрителя волнением истинного эстетического переживания.

Секрет атлантовского дарения себя зрителю не только в красивом, мощном, завораживающем голосе. Атлантов **мыслит** на сцене, не «играет» мысль или процесс мышления своего героя, а естественно, органично живет в раздумьях своего Ленского, Каварадосси, Германа, в их интеллектуальном общении с современным зрителем.

Во время подготовки одной из радиопередач «Час Большого театра», посвященной премьере «Тоски», в аппаратной Дома звукозаписи поставили на магнитофон нашу запись оперы, чтобы взять из нее последнюю арию Каварадосси. Давно кончилась ария, а пленку не останавливали. Работники радио: режиссер передачи, редакторы, оператор, которых, казалось бы, ничем уже нельзя удивить после километров ежедневно прослушиваемых великопленных записей, не могли оторваться от нашей «Тоски». Акт дослушали до конца в абсолютной тишине, ни словом не нарушая какого-то особенного, сосредоточенного молчания. И оставили для передачи, кроме запланированной арии, и дуэт Каварадосси с Тоской со зримо звучащим мужественным горем Атлантова от ясного понимания неизбежно приближающейся смерти и удивительного чувства красоты и чистоты оставляемой им на земле любви к Тоске.

Но, чтобы уложиться во время, отведенное для передачи, пришлось, как ни жалко было, сократить часть текста, сказанного Б. Покровским об Атлантове. Рада, что сегодня мне предоставляется возможность вернуть одну его

фразу: «Атлантов — уникальный Каварадосси!» Что можно сказать значительней?

Атлантов принадлежит к современной формации артистов оперного театра, отлично понимающих, что опера владеет одним из могучих средств эмоционального воздействия — музыкой, трансформируемой в действие. Но можно быть ее рабом, а можно быть ее творцом. Атлантов не просто интерпретирует композиторскую мысль, он на каждом спектакле каждый раз как бы рождает ее заново, в первый раз. Он максимально использует все богатейшие возможности музыки для контакта со зрительным залом, для создания живого, действительного образа. Атлантов знает цену великим средствам оперного артиста — интонированию и фразировке и очень продуманно и тонко пользуется ими. Каждая музыкальная фраза точно выявлена, выражена интонационно и поставлена на развитие логики образа. Атлантов **мыслит** музыкой и действует в музыке, из нее черпает материал для лепки характера, в ней видит основу его развития, но никогда музыки для него не цель, не нота, не звук. Разве можно сказать об Атлантове: вот это он сыграл, а это спел? Наиболее завершенные им Герман, Ленский, Каварадосси — сейчас одни из лучших вокально-сценических решений музыкального театра.

И очень важное для современного артиста — чувство особой интуиции в выборе художественных приспособлений и выразительных средств для создания характера героя, предчувствие реакции зала на них, без чего не бывает настоящего искусства. Чтобы зритель не только **слушал** и **видел**, а шел за артистом, подчинялся ему в его трактовке образа, в его оценке развивающихся на сцене событий. Атлантов нигде не дает зрителю, если так можно сказать, откинуться на спинку кресла, он всегда держит его в плену своего творчества, в праздничном **театральном** напряжении. А для этого ведь и существует театр.

И еще одно. Мне думается, Атлантов не боится зрителя, не высокомерен, но глубоко уважает его. Это определяет его глубину общения со зрительным залом, прадус доказательности его мыслей о своем герое, права говорить от его лица, полной отдачи себя на спектакле.

На торжественном вечере в Большом театре, посвященном 100-летию со дня рождения Л. В. Собинова, Атлантов выступил со вступительным словом. Несколько необычная, даже несвойственная для певца роль. Но, может быть, именно манера разговора Атлантова со зрительным залом театра и огромной телеаудиторией — умное, доверительное, искреннее обращение к каждому, кто пришел почтить память о великом русском певце, — во многом определили атмосферу вечера.

Это слово Атлантова и затем исполнение им труднейшего дуэта Лознгринга с Эльзой было, как арка, связывающая в интеллекте, щедрой одаренности и мастерстве лучшего тенора начала нашего века, первым получившим звание народного артиста РСФСР, и представителя современного поколения Большого театра СССР — Владимира Атлантова, только что удостоенного этого высокого признания, награды и чести.

Марина ЧУРОВА.

и. Сов. Архив "1942, 15/14"